

ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ ФИЛОСОФИИ

М. А. Можейко

Говоря о роли науки в современном обществе, как правило, имеют в виду достижения естествознания с их непосредственным выходом в сферу техники и технологии. Однако, отдавая дань практическому значению естественных дисциплин, нельзя не остановиться на той роли, которую играет в современном – социокультурном контексте гуманитарная сфера знания, и в частности, философия. Усиление социального значения гуманитарных дисциплин в современных условиях связано прежде всего с тем, что возрастает роль собственно гуманитарной сферы в самом социальном процессе. Все большее воздействие на его скорость, направление и саму сущность оказывают факторы не только экономического, технологического, но и социального, культурного, идеологического характера.

Таким образом, духовная сфера общества оказывается важнейшим фактором исторического прогресса. Именно развитие человеческой духовности, формы и механизмы разворачивания культурной традиции и раскрытия духовного потенциала той или иной национальной культуры и лежат в поле пристального внимания такой области философского знания, как философия культуры.

Человек рождается человеком лишь потенциально: он принадлежит к биологическому виду *homo sapiens*, но обретает статус человека в подлинном смысле этого слова лишь тогда и постольку, когда и поскольку становится социальным существом, что возможно только посредством подключения к культурной традиции: в этом отношении можно сказать, что человек разумный – это в полном смысле этого слова *homo culturis*. Современная философия культуры выделяет в жизни человека особый период – период социализации, т. е. включения индивида в культурный контекст. Это период, который изучает такой раздел философии культуры, как философия детства (знаменитый период «от двух до пяти»). За короткий отрезок времени ребенок осваивает богатейшее содержание культурной традиции, подключаясь тем самым к национальной культуре и посредством нее к

культуре человечества в целом: формируясь в качестве человека как такового, ребенок одновременно с этим формируется как белорус, итальянец или швед и, наоборот, вырастая в лоне конкретной этнонациональной культуры белорусом или шведом, ребенок конституируется в качестве представителя человечества – гордого носителя качеств *homo sapiens*.

Конкретным примером данного процесса может служить освоение ребенком языка: овладевая родным языком в его конкретной лексико-грамматической и этнической специфике, ребенок тем самым овладевает искусством семантически значимой речи вообще, навыком освоения языковых систем, вербальной деятельностью как таковой. Только когда человек овладевает родным языком, человек способен изучать и осваивать другие языки – так называемые иностранные.

Аналогично, осваивая специфические идеалы и нормы характерной для той или иной культурной традиции конкретной морали, человек, приобретая навык подчинять свои индивидуальные стремления и желания общим правилам поведения в сообществе, иными словами, подключаясь к конкретной, этнически окрашенной национальной системе нравственности, он в целом конституируется как моральное существо – *homo moralis*.

Важнейшим моментом процесса социализации выступает освоение индивидом тех программ деятельности и сценариев поведения, которые приняты в той или иной культурной традиции в качестве типовых. Ребенок овладевает определенными навыками в определенных видах деятельности и научается вести себя определенным образом, взаимодействуя с другими людьми в определенных ситуациях. В каждой конкретной культуре эти программы деятельности отличаются своей спецификой (славяне, например, чистят яблоко или картошку, держа нож лезвием к себе, китайцы – от себя); еще большее разнообразие демонстрируют принятые в различных культурах сценарии поведения в той или иной ситуации (например, человеку, желающему выразить уважение и симпатию к собеседнику, английская культурная традиция предписывает стоять от него при разговоре на расстоянии не менее метра, мексиканская традиция в тех же условиях, напротив, предлагает максимальное приближение – «лицом к лицу»).

В основе типовых для той или иной культуры программ деятельности человека с предметами внешнего мира и сценариев поведения, т. е. его взаимодействия с другими людьми, лежат имплицитные (не выявленные в специальной процедуре осмысления, не подвергаемые в повседневной жизни специальному целенаправленному анализу) представления о природе внешнего мира и природе человека. Предлагая своему ребенку ту или иную модель поведения («смотри: вот мальчик, – поиграй с ним» или, наоборот, «смотри: вот мальчик, – последи за своими игрушками»), родители тем самым не только формируют у него определенные стереотипы поведе-

ния и воспитывают те или иные навыки общения с другими людьми, но и незаметно формируют представления о природе и сущности человека.

Таким образом, овладевая в период социализации характерными для того или иного общества программами деятельности с предметами внешнего мира и поведения с другими людьми, ребенок одновременно с этим (и совершенно не отдавая себе в этом отчет) осваивает и типовые для соответствующего общества представления о мире, человеке и месте человека в мире. Именно эти представления и лежат в основе мировоззрения, характерного для носителя той или иной культурной традиции [3]. Философия культуры называет их мировоззренческими универсалиями или универсалиями культуры (от лат. *universalis* – общий).

Формируясь у каждого индивида в процессе социализации, эти универсалии культуры служат своего рода мыслительным инструментарием для человека каждой конкретной эпохи, задавая ему вполне конкретную и определенную систему координат, исходя из которой человек воспринимает явления действительности и сводит их в своем сознании воедино.

Набор культурных универсалий достаточно стабилен: в его структуре могут быть выделены так называемые универсалии объектного ряда («мир», «изменение», «причина», «следствие», «пространство», «время», «часть», «целое» и т. п.), универсалии субъектного ряда («человек», «долг», «честь», «государство», «справедливость», «счастье», «любовь», «смысл жизни» и т. п.) и универсалии субъект-объектного ряда («познание», «истина», «труд», «деятельность» и т. п.). Однако, разумеется, содержание универсалий культуры существенно специфицируется в различных исторически и этнически определенных традициях, задавая характерные для них специфические системы ценностей.

Человек не может не принадлежать к определенной культурной традиции и не может мыслить без опоры на глубинные представления о мире, человеке и месте человека в мире, сформированные у него как у носителя определенной культуры в процессе социализации, подобно тому как он не может мыслить вне языка.

В универсалиях культуры, таким образом, конституируется стиль мышления, специфичный для того или иного этапа культурной эволюции. И человек, социализированный в той или иной культурной традиции, соответственно, является носителем характерного для данной традиции стиля мышления, поскольку универсалии культуры выступают своего рода инструментарием мироощущения, мировосприятия, миропредставления, т. е. миропереживания, с одной стороны, и мирообъяснения и мироинтерпретации – с другой.

В сфере повседневности универсалии культуры не осмысливаются с достаточной ясностью: на уровне обыденного сознания человек, как прави-

ло, не отдает себе отчета в том, что мыслит о мире и себе, опираясь на определенные представления, сформированные у него соответствующим культурным контекстом, – он не просто принимает это обстоятельство как должное, но даже не подвергает его рефлексивному осмыслению, не осознает его, подобно тому как мольеровский г-н де Журден не знал, что «говорит прозой».

Среди реалий культуры, в которых находят свое выражение универсалии мировоззрения, особое место занимает естественный национальный язык, ибо без выражения той или иной универсалии в вербальной (словесной) форме невозможно ее вычленение из общего фонда культуры и тем более ее оформление в качестве абстрактного понятия.

В семантике естественного разговорного языка объективная действительность отражается через призму достигнутого уровня социального развития и – соответственно – уровня познания действительности. В силу этого в семантическом аспекте лексических единиц (слов) естественного языка репрезентируются характерные для данного стиля мышления универсалии культуры, причем наборы соответствующих лексем могут и не содержать того слова, которое непосредственно номинирует (называет) соответствующую универсалию.

Так, например, смысловые поля таких слов, как «дальше», «ближе», «глубина», «протяженность», «вмещать», «находиться», «простираться», «вверх», «здесь», «короткое», «бесконечный» и т. п., репрезентируют для носителя конкретной традиции такую универсалию культуры, как «пространство», задавая его сознанию систему координат для осмысления пространственного континуума, хотя сама лексема «пространство» непосредственно может отсутствовать (и, как правило, на уровне обыденного сознания отсутствует) в его лексиконе. Ребенок не владеет эксплицитной информацией о причинно-следственных зависимостях, не оперирует понятиями «причина», «следствие», «каузальность», однако, произнося фразу «у меня растрепались волосы, потому что дул ветер», он демонстрирует наличие четких представлений о каузальной выводимости явлений друг из друга, т. е. имплицитное владение такой мировоззренческой универсалией культуры, как «причинность».

Лишь по мере развития теоретического познания человек подвергает собственный стиль мышления рефлексивному осмыслению, выявляет его опору на мировоззренческие универсалии культуры, отдает себе отчет в наличии таковых, осмысливает глубинные мировоззренческие основания своего мышления с точки зрения их происхождения, сущности и границ функционирования.

Философия культуры делает глубинные основания мировоззрения предметом специального аналитического рассмотрения. В сфере филосо-

фии происходит специальная рефлексия над современной ей (породившей и взрастившей ее) культурой, эксплицирование (выявление) ее основополагающих мировоззренческих структур [1].

Экспликация мировоззренческих оснований культуры, в ходе которой они очищаются от чувственно-эмоциональных аспектов своего содержания, связанных с фигурами миропереживания, их предельная рационализация и конституирование в качестве абстракций высокого уровня сложности приводит в итоге к оформлению на их основе категорий философии.

Таким образом, понятийный аппарат философии генетически восходит к содержательным и ценностным основаниям соответствующей культурной традиции. Именно посредством философского анализа дано культуре увидеть и осознать собственные основоположения, содержательные презумпции практикуемого ею стиля мышления и глубинные основания фундаментальных для данной культуры ценностей.

Категории такого дисциплинарного раздела философского знания, как онтология (философия бытия, философская концепция универсума) генетически восходят к мировоззренческим универсалиям объектного плана (их перечисление даст тот же вербальный ряд, что и перечисление универсалий культуры объектного ряда: «причина», «следствие», «пространство», «время» и т. п., только в данном случае мы будем иметь в виду не чувственно окрашенные представления, пусть и максимальной степени общности, но абстрактные понятия). Соответственно, категориальный аппарат социальной философии («государство», «прогресс», «производство» и т. п.), этики («долг», «честь», «смысл жизни» и т. п.), эстетики («красота», «гармония», «совершенство» и т. п.), философии религии («Бог», «грех», «вера» и т. п.) уходит своими корнями в тот пласт культуры, который представлен универсалиями субъектного ряда. А понятийные средства гносеологии и праксеологии генетически связаны с универсалиями ряда субъект-объектного («познание», «истина», «труд», «деятельность» и т. п.).

Рефлексия над универсалиями культуры, их экспликация и превращение в философские категории осуществляется в процессе осмысления содержания различных реалий соответствующей культуры, в которых репрезентируются глубинные мировоззренческие универсалии: полученные из практики соответствующие формы рационального знания, художественные произведения эпохи, имеющие хождения в той или иной культуре нравственные представления о должном и недолжном поведении, мифологические образы, структуры разговорного языка и многое другое. Посредством философской работы культура осуществляет своего рода рефлексивный анализ самой себя, т. е. аналитическое осмысление – на уровне развивающейся в данной культуре философии – своего содержания, определяющего практикуемый стиль мышления, и тех ценностных шкал, которые задают

аксиологические рамки соответствующего мировоззрения. Осмысление в процедурах философских аналитик семантических пластов тех или иных феноменов культуры позволяет выявить различные смысловые аспекты соответствующих универсалиям культуры понятий и жестко фиксировать тем самым их объем и содержание в предельно логически строгом смысле.

Таким образом, содержание философских категорий в своей совокупности выражает глубинное содержание фундаментальных мировоззренческих оснований той культуры, в которой данная философская традиция оформляется и функционирует, а постулируемые и утверждаемые тем или иным философским направлением ценности генетически восходят к ценностям, культивируемым данной культурой, и потому философия есть плоть от плоти той культуры, в контексте которой она возникает и развивается. Не случайно самые различные по своим методологическим взглядам философы (от Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса – до М. Фуко и Ж. Делёза [1; 2]) называли философию рационально-теоретическим выражением соответствующего ей периода истории.

Из описанной особенности (социокультурной артикулированности) философского знания вытекает, что расхожий миф об оторванности философии от жизни, ее замыкании в печально известной «башне из слоновой кости» не имеет под собой реальных оснований, ибо противоречит самой природе философского мышления, глубоко и содержательно укорененного в культуре и мировоззрении соответствующей эпохи и ориентированного на социальную практику.

В силу этих обстоятельств философия выполняет в социальном контексте две важнейшие функции, значимость которых для исторического процесса позволяет говорить о социальной миссии философии в общественном развитии.

Прежде всего, речь идет о такой функции философии, как экспликация глубинных мировоззренческих универсалий культуры, осмысление их содержания. Их выявление позволяет философии четко презентировать и в явном виде описать характерные для национальной культуры архетипы мышления и системы тех ценностей и оценок, на которые опираются все без исключения реалии национальной культурной традиции и которые лежат в основании соответствующего стиля мышления, задавая базисные структуры национального менталитета.

Подобная работа, которую может осуществлять и осуществляет философия культуры, оказывается чрезвычайно востребованной обществом и существенно важной для его развития в те периоды истории, когда на передний план выдвигается задача формирования национального самосознания, отстройки идеологии, опирающейся на традиционные системы ценностей данного народа – как национального, так и общечеловеческого характера.

Особое значение данная функция философии обретает в те периоды исторического движения, которые могут быть названы трансформационными: в ситуации, когда общество оказывается на переломном рубеже перехода от одного качественного состояния к другому, формирование верных ценностных ориентаций и мировоззренческих идеалов, соответствующих фундаментальным общечеловеческим и национальным ценностям, оказываются непосредственной и насущной необходимостью.

С особой остротой эти задачи выдвигаются на повестку дня в современных условиях, когда постмодернистское состояние культуры практически неограниченно раздвигает рамки культурной приемлемости: постмодернистский тезис «не более так, чем иначе», изначально рассматривавшийся сугубо в плане стилистического плюрализма художественного творчества, в современном (и зачастую огрубляюще дилетантском) массовом его прочтении воспринимается как снятие запретов с любых форм социальных практик. Значимым оказывается не сам поступок, но изощренность его разнообразных интерпретаций, которой владеет или не владеет совершивший его субъект. И за множественностью разнообразных и подчас взаимоисключающих трактовок сама суть поступка остается практически не подлежащей какой бы то ни было оценке, коль скоро этих оценок может быть – в различных системах отсчета – бесконечно (практически неограниченно) много.

Но если в сфере художественного творчества и его оценки такая позиция имеет право на существование, то применительно к сфере морали обрисованная позиция оборачивается чудовищным нигилизмом и циничной вседозволенностью.

Следует отметить, что своеобразная эпатажная мода на подобный нравственный плюрализм фактически сошла на нет после известных событий 11 сентября: при осмыслении террористических актов, в ситуации гибели невинных людей невозможно оценивать ситуацию в режиме равновозможности альтернативных трактовок, – у какого, пусть самого яркого, представителя постмодернистской традиции поднимется рука сформулировать плюралистическую оценку трагедии в Беслане («*можно было взрывать, можно было не взрывать*»)?!

В современной ситуации как нельзя более насущным является возврат к незамутненным истокам традиционных ценностей классической культуры – как в плане национальной традиции, так и в плане общечеловеческих ценностей гуманизма.

Вторая важнейшая функция философии в трансформационном обществе связана с тем, что, сформировав на основе экспликации фундаментальных оснований мировоззрения свой категориальный аппарат, философия оказывается способной к выполнению особой культурной задачи, а

именно – к выработке (путем работы в понятийном пространстве, т. е. движения в сфере абстракции) новых версий сопряжения между собой универсалий мировоззрения. Подобная работа позволяет создавать новые модели организации культурного пространства, целенаправленно формировать новые традиции на основании переосмысления наличного материала культуры.

Таким образом, роль философии в системе культуры, ее важнейшая социальная миссия в историческом процессе заключается в том, чтобы выявить (за сиюминутной шелухой наносного и неподлинного, не соответствующего исконному предназначению человека в мире) те глубинные и фундаментальные основоположения культуры – как в традиционно национальном, так и в общечеловеческом ее измерениях, на основе современного переосмысления которых возможно сформировать мировоззренческо-идеологическую систему, соответствующую реалиям сегодняшнего дня.

В этом отношении процесс развития идеологии в нашей стране не может обойтись без обращения к философскому анализу фонда национальной белорусской культуры, без теоретического осмысления ее глубинных ценностей и фундаментальных устоев. Таким образом, та концептуальная работа, которую осуществляет современная философия культуры, делая мировоззренческие основания культурной традиции предметом своего непосредственного изучения, оказывается не только существенно важной в теоретическом отношении, но и предельно актуальной в практическом плане.

Литература

1. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
2. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
3. Lovejoy, A. Key Imaginations // An Axiology & Social Science. An Approach to Interpretation. N.Y. – L., 1973.